

Зиновьев Федор Алексеевич

Сцены и рассказы

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
Ф33

Ф33 **Федор Алексеевич З.**
Сцены и рассказы / Зиновьев Федор Алексеевич – М.: Книга по Требованию,
2026. – 433 с.

ISBN 978-5-519-86234-9

Содержание. Дворянские выборы; Один за другого; У парома; Евсей Кулаков; Рассказы провинциала. Вражда; Базар

ISBN 978-5-519-86234-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2026

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2026

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ДЕНЬ ПЕРВЫЙ.

СЦЕНА I.

Комната большая, но не совсемъ опрятная. Стѣны окрашены желтою краскою, съ пунцовыми каемочками у карниза. На потолкѣ цвѣты и купидоны. Диванъ, кресла и стулья краснаго дерева, покрытые чѣмъ-то темненькимъ и старенькимъ, и пабитые чѣмъ-то жесткимъ. Передъ диваномъ столъ краснаго дерева. Въ простѣпѣхъ, между двумя окнами, зеркало, составленное изъ двухъ половинокъ, въ рамкѣ изъ краснаго дерева, съ черными уголками. Подъ зеркаломъ ломберный столъ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

АЛЕКСАНДРА ГЕРАСИМОВНА РОЗОНОВА, дама пожилая, лѣтъ, полная, слегка красная; съ широкимъ, чуть тронутымъ рябинами лицомъ. Глаза оловянные; подъ широкимъ носомъ, надъ толстыми губами, пробиваются черненькіе усики. Она говоритъ очень скоро и слегка прищептываетъ, что однакоже не мѣшаетъ ей быть первой сплетницей въ уѣздѣ. — Сидитъ на диванѣ и разливаетъ чай.

ЛИПЧКА, старшая ея дочь. Блондинка, лѣтъ двадцати пяти, очень высокая и до крайности худая. Лицо ея блѣдно и некрасиво; глаза немножко косятъ; зубы рѣдки и съ зеленоватымъ оттѣнкомъ. — Раскладываетъ гран-пасьянсъ.

КАТЯНКА, младшая дочь Розоновой. Брюнетка, низенькая и толстая; она смугла и также не красива. Имѣетъ свойство всегда потѣть и отдуваться. — Она сидитъ у окна и чешетъ фальшивую босу.

Всѣ три въ утреннемъ, довольно грязномъ неглиже.

Липочка. Нѣтъ, не выходить!

Розонова. Да что ты пустяки раскладываешь, лучше погадай на себя, на бубновую даму.

Л и п о ч к а (раскладывает карты, сперва пошепталъ падъ колодой). Что ужъ, и гадать скучно! Знаю напередъ, что выпадутъ самыя дурныя карты! Видите?

Р о з о н о в а (жадно устремляетъ глаза на карты). Что-же? Что-же? Прекрасно, превосходно! Ахъ, Боже мой! Липочка! другъ мой! какихъ тебѣ еще картъ? какихъ картъ еще надобно? Посмотри: сердечное объясненіе съ молодымъ человекомъ, неожиданный разговоръ въ собственномъ своемъ домѣ, пріятныя собственныя свои мысли, переменная жизнь, сватьба, деньги!

К а т е н ь к а. Всего ей... какъ не такъ!

Л и п о ч к а (съ досадой). Смотрите, всему помѣшаетъ какая-то трефовая дама! и это всякій разъ у меня всякое благополучіе отнимаетъ. Кто эта противная дама, желала-бы я знать!

К а т е н ь к а. Извѣстно кто: Долотова, Марья Петровна.

Р о з о н о в а. Да, она точить на насъ зубы, желаетъ намъ всѣхъ бѣдствій! Это ехидна просто! Но ничего, нячего! пусть только отецъ вашъ останется на службѣ, я ужъ все устрою. Не безпокойтесь!

К а т е н ь к а. Да, устройте, какъ-же! жди отъ васъ! Всѣ выходятъ замужъ, только мы сидимъ въ дѣвкахъ. Весь уѣздъ смѣется!

Л и п о ч к а. Ужъ правда что! Намедни этотъ мерзавецъ, Козинъ, вѣдь за душою гроша нѣтъ, сахару по кусочкамъ къ чаю у лакея своего занимаетъ, по недѣлямъ жрать нечего, — а туда-же зубы скалить. Мы идемъ, а онъ всякой сволочи говоритъ: а вотъ и невѣсты ненеvѣстныя! Каково этакій афронтъ вынести!

К а т е н ь к а. Да ужъ отъ этого Козина житья нѣтъ — просто! На вечерѣ у Козелкова я танцую съ секретаремъ

уѣзднаго суда, а Козинъ смотритъ на меня, да во-все свое свиное горло поетъ подъ музыку:

Наша Катенька, съ подъячимъ,
На Петровскомъ скачетъ, скачетъ;
Сестра Липа слезно плачетъ,
Что подъячій съ ней не скачетъ.

Я-бы его убила, просто!

Липочка. Это ужасно, просто!... заспѣться въ дѣвкахъ! А вамъ, маменька, и горя мало!

Розонова. Развѣ я виновата? Кажется, домъ всегда полонъ гостей, для всѣхъ дверь отперта. Чуть кто въ городъ пріѣдетъ изъ новыхъ, отецъ сейчасъ бѣжитъ знакомиться и тащить къ себѣ. Вы сами, Богъ васъ знаетъ, не умѣете какъ-то найтись!

Катенька. Вы принять никого не умѣете, при гостяхъ сальные огарки считаете.

Розонова. Вотъ я же виновата! Стыдилась-бы такія вещи матери говорить! Что же по-вашему позволять все тащить изъ дому? Для васъ же каждый грошъ берегу! Дайте остаться отцу на мѣстѣ.

Липочка. А какъ папенька не останется?... Вѣдь онъ подъ уголовный судъ попалъ!

Розонова. Богъ дастъ останется. Не въ первый разъ, слава Богу, онъ подъ судомъ; выпутывался прежде, и теперь Господь смилуется, пронесетъ грозу мимо!

Катенька. Если-бы Богъ далъ! Да ужъ папенька слишкомъ! Весь уѣздъ въ одинъ голосъ трубятъ, что онъ съ живаго и съ мертваго деретъ!

Розонова. Отлично! Прекрасно! Наградилъ Богъ дочерью! Нечего сказать!... Для кого онъ все это дѣлаетъ, служить, покою не имѣетъ? все для васъ же! А отъ васъ хороша благодарность!

Липочка. Что-то ему Богъ дастъ, сегодня!

Розонова. Богъ милостивъ! Вотъ уже третій день за упокой губернатора, предводителя и председателя уголовной палаты за обѣдней поминають; я подала. Это вѣрное, испытанное средство! Если вамъ придется когда-нибудь просить кого-нибудь, подайте только помянуть его за упокой за обѣднею, — онъ сейчасъ начнетъ тосковать, пока не исполнитъ вашей просьбы.

Липочка. Никакъ къ обѣднѣ благовѣстятъ, а я еще не одѣта! Матрешка! Матрешка!

Матрена (растрепанная, босая и грязная дѣвка). Чего изволите, сударыня?

Липочка. Что-жъ ты гладила платье?

Матрена. Сейчасъ выглажу.

Липочка (передразнивая ее). Сейчасъ выглажу! сейчасъ выглажу! Что же ты дѣлала до-сихъ-поръ, мерзавка? Вотъ тварь-то! спишь долго!... Я вотъ сейчасъ буду одѣваться, посмотрю, если что-нибудь не приготовлено, я тебѣ всю косу выдеру!

Катенька. А мнѣ готово одѣваться?

Матрена. Сейчасъ, барышня, приготовлю! Вѣдь я одна, мнѣ не разорваться!

Катенька. Какъ же это тебѣ не стыдно? Ничего ты не хочешь сдѣлать! Одна! — встала-бы пораньше!

Розонова. Еще разсуждаетъ, бестія! Я тебѣ вотъ дамъ не разсрваться! Убирай самовары!

(Григорій Семеновичъ Розоновъ (*господинъ слонообразный по вышнему и дородству*) входитъ въ мундирѣ, запыхавшись, и съ разстроеннымъ вѣдомъ).

Розонова. Ну что, моя пупочка?

Розоновъ. Уфъ! чортъ возьми, усталъ! (Отдувается и садится въ кресла; дочери подходятъ и целуютъ у него руку). Здравствуйте, дѣти!

Розонова. Ну, что тебѣ Богъ далъ?

Розоновъ. Что! Плохо дѣло! Въ уголовной палатѣ за

триста цѣлковыхъ оправдали, а губернаторъ и не принялъ даже...

Розонова. А у предводителя былъ?

Розоновъ. Былъ.

Розонова. Ну, что же?

Розоновъ. Чего отъ этого осла ожидать? Наговорилъ кучу глупостей.... Говорить, если губернаторъ не допускаетъ до баллотировки, то и дѣлать нечего.

Розонова. Дуракъ онъ, вислоухій! Мы найдемъ, что дѣлать! Съѣзди къ Журавлеву, попроси, чтобы онъ поддержалъ тебя своимъ вліяніемъ.

Розоновъ. Да что толку-то въ его вліяніи? Понимаешь, губернаторъ и слышать не хочетъ, чтобы я оставался исправникомъ.

Розонова. Это не твое дѣло! У губернатора выхлопотать я беру на себя. Съ дамой онъ не будетъ такъ невѣжливъ! Поѣзжай къ Журавлеву.

Розоновъ. Что ѣздить попусту, вѣдь не допустить до бал....

Розонова (съ досадой перебиваетъ его). Допустятъ! Это ужъ мое дѣло! Что мнѣ съ тобою дѣлать, когда ты глупъ, какъ колода! Наградилъ Богъ муженькомъ, нечего сказать! Ничего сдѣлать не можетъ самъ! все я, да я! Отправляйся къ Журавлеву, а я поѣду къ губернатору. Дѣти, одѣньтесь, неравно кто-нибудь зайдетъ! Матрешка! одѣваться!

Липочка. Такъ мы въ церковь не пойдёмъ?

Розонова. Видишь, что некогда.

Липочка. Ну, такъ мы однѣ пойдёмъ. По-крайней-мѣрѣ, маменька, купите мнѣ той матеріи на платье, что вчера смотрѣли.

Розонова. До платьевъ-ли теперь! А ты, батюшка, чего разсѣлся? Отъ жиру поворотиться не можешь! Оплылъ весь! Поѣзжай же къ Журавлеву!

Розоновъ. Нечего ѣздить по пустыкамъ. Еще успѣю, дай отдохнуть.

Розонова. Ну, наградишь Богъ мужемъ, нечего сказать! Только и знаетъ, что отдувается! Скоро треснетъ отъ жиру! Подлецъ ты, подлецъ! тебѣ что ни говори, все какъ къ стѣнѣ горохъ! Тьфу, окаинный!

Розоновъ. Неужели нельзя отдохнуть? Еще успѣю къ Журавлеву!

Розонова. Успѣешь! Оттого-то такъ и идетъ все хорошо, что ты или жрешь, или дрыхнешь, или сидишь какъ чурбанъ! (Уходитъ. Изъ другой комнаты слышенъ ея голосъ). А ты, мерзавка, въ окошечко глядишь! Посмотрите, утюгъ простылъ, а платье не глажено! (Звукъ пощечины).

Липочка.	}	Вѣрно мое! Ахъ, мерзавка! (Бѣгутъ за матерью).
Катенька.		

Розоновъ. Расходилась! Ну жизнь, нечего сказать! Достался мнѣ этотъ годокъ!... Фу, чортъ возьми, спать хочется! Умаялся! Думалъ соснуть немножко, — нѣтъ, поѣзжай! Зачѣмъ я поѣду, какого лѣшаго, прости Господи, дѣлать! Спина заболѣла кланяться.... Журавлевъ согласится, про это и говорить нечего. Я съ нимъ умѣю говорить, да ему другаго такого исправника не найти ни за что! Да губернаторъ-то не допустить до выборовъ, баллотироваться не позволить. Вотъ все и пропадетъ даромъ, только острамишься! (Зѣваетъ). А хорошо-бы было еще лѣтъ шесть потянуть службу! Ужъ я бы не зѣвалъ! Устроился-бы, а тамъ въ отставку. Ну пусть отдають подъ судъ, — развѣ подъ судомъ люди не живутъ! Я богатъ, обезпеченъ, а тамъ суди себѣ! (Зѣваетъ). Спать смерть хочется, такъ ротъ и деретъ. Знаю, что даромъ проѣдусь, ее губернаторъ и на глаза къ себѣ не пустить! Нѣтъ; поѣзжай! Дорого-бы далъ, чтобы вздремнуть минутъ десятокъ. Когда не надѣнешься, такъ и дѣлать ничего не хочется, трудно съ мѣста подняться!...

Батюшки мои, никакъ идти мое сокровище! (Вскакиваетъ и убѣгаетъ).

Розонова (въ другой комнатѣ). Смотрите же, не забудьте подать за упокой раба Божія Павла. Это будетъ отлично; его будутъ поминать въ то самое время, когда я буду просить его.

СЦЕНА II.

Кабинетъ губернатора. Большая комната, оклеенная дорогими обоями. Мебель орѣховая, покрытая зеленымъ сафьяномъ. Письменный столъ заставленъ фарфоровыми кубоками и разными бездѣлушками. Около стола этажерка съ кипами бумагъ. Губернаторъ сидитъ за столомъ, курить трубку и жѣваетъ. Его лицо довольно подержанное, волосы на головѣ, усахъ и бакенбардахъ черные съ просѣдью. На немъ шелковый халатъ, на шеѣ крестъ, на головѣ шапочка. Черезъ нѣсколько времени входитъ довѣренное лицо, небольшое существо съ острыми глазами и плутовскою рожею.

Губернаторъ. А-а-а! Филатовъ! это ты, братецъ?

Довѣренное лицо. Здравія желаю, ваше превосходительство! Какъ ваше здоровье?

Губернаторъ. Все что-то поясница, братецъ, ломитъ! Ну, что новенькаго?

Довѣренное лицо. Ничего, ваше превосходительство, все по старому! Послѣ завтра у полиціймейстера балъ, — сегодня онъ придетъ просить ваше превосходительство.

Губернаторъ. Я думаю, много сволочи будетъ?

Довѣренное лицо. Не безъ того, ваше превосходительство, вы изволите знать, какое у насъ общество: знатныхъ и порядочныхъ очень мало. Ахъ, да! генералъ Власевъ пріѣхалъ въ городъ.

Губернаторъ. Гмъ!... Давно?

Довѣренное лицо. Вчерашій день, ваше превосход-

дительство. Я думаю, сегодня будет у вашего превосходительства. Говорятъ, вчера председателю Буркалову жена глазъ подбила.

Губернаторъ. Экая баба этотъ Буркаловъ! Вотъ баба-то! У него совершенно нѣтъ никакого характера, — изъ него что хотять, то и дѣлають. Я ему сколько разъ говорилъ: посмотри на меня, Александръ Спиридоновичъ: у меня, что сказано, то свято! Я одинъ глава, властитель! Такъ-ли, не такъ-ли, не только никто передѣлывать, — не смѣть даже и пикнуть! А у него просто чортъ ногу переломить, республика какая-то, ни на что непохоже что дѣлается. Онъ скажетъ одно, жена повернетъ по-своему, секретарь по-своему! Просто выходитъ хаосъ, Содомъ, демократія! Водятъ его за носъ, да и только. Баба просто — срамъ!

Довѣренное лицо. Ужъ это точно, ваше превосходительство!

Губернаторъ. И препустой человѣкъ, — что въ немъ!

Довѣренное лицо (улыбаясь). Пустенскъ-то онъ очень! Многіе находятъ его умнымъ, а что тамъ умнаго!

Губернаторъ. Какой тамъ умъ, самъ шагу ступить не можетъ, его все на помочахъ водятъ, да за носъ.... Председателемъ еще везетъ кое-какъ, а вѣдь губернаторомъ не могъ-бы быть?

Довѣренное лицо. Помилуйте, ваше превосходительство, какой онъ губернаторъ! Гдѣ ему быть! Чтобы занимать такой постъ, надобно и умъ, и твердый характеръ, и отмынные способности.

Губернаторъ (съ видомъ кота, котораго пощекотали за ухомъ). А вѣдь онъ глупъ! Да чего тебѣ лучше. Третьяго дня играемъ мы у Волчкова въ преферансъ. Фуксъ покупаетъ въ червямъ, я удерживаю, — Фуксъ на безкозырей, я удерживаю, — Фуксъ на семь, я говорю — пасъ. Вогналъ голубчика! Фуксъ играетъ семь въ червахъ, я кожу по первой

въ пики и подвожу короля Фукса подъ обухъ. Что же, ты думаешь, Буркаловъ отвѣтилъ мнѣ? Ну, какъ ты думаешь, а?

Довѣренное лицо (глубокомысленно). Я думаю, онъ долженъ былъ отвѣчать.... Дѣло ясное....

Губернаторъ (торжественно). Нѣтъ - съ, онъ баць въ черви... того бинь въ бубны, и Фуксъ выигралъ игру, а ведь долженъ былъ остаться безъ одной, какъ Богъ святъ! Вотъ тебѣ и умъ его!

Довѣренное лицо. Какой у него умъ! Ахъ, вотъ еще исторія. Изволите вы знать Селянова?

Губернаторъ. Знаю. У него еще жена красавица.

Довѣренное лицо. Точно такъ, ваше превосходительство. Такъ изволите-ли видѣть: напротивъ ихъ поселился офицеръ: можетъ, изволите знать, гусаръ въ отпуску: Косолапъ-Михайловъ?

Губернаторъ. Знаю. Богатый человѣкъ, мотъ, картежникъ и пьяница!

Довѣренное лицо. Точно такъ, ваше превосходительство. Только Селянова ужасно полюбила пѣть съ гитарою, сидя на окошкѣ. Мужу шестьдесятъ слишкомъ, онъ уже глухъ, ничего почти не слышитъ, ну такъ ей и раздолье. Сядетъ она, а напротивъ гусаръ и тоже съ гитарою. Вотъ онъ и начинаетъ: (поетъ съ ужимками, то теноромъ, то дискантомъ, въ послѣднемъ случаѣ закатывая глаза подъ лобъ и сжимая губы). «Все-ли въ добромъ вы здоровьѣ?» Она отвѣчаетъ: «слава Богу, я здорова!» Онъ: «какъ-бы съ вами повидаться?» Она: «извольте за сарай отправляться!» Онъ: «у васъ лихи тамъ собаки!» Она: «Мареа васъ туда проводить!»

Губернаторъ (катаясь отъ смѣху). Ха, ха, ха! Эхъ, чортъ тебя задави! Уморилъ, братецъ, уморилъ просто! Ха, ха, ха! Какъ? какъ?

Довѣренное лицо (повторяетъ).

Губернаторъ. Ха, ха, ха! Извольте за сарай отправ-
ляться! Ха, ха, ха!

Довѣренное лицо. А мужъ сидитъ и приходитъ въ
восторгъ, что жена его такъ хорошо поетъ, да табачокъ
понюхиваетъ.

Губернаторъ. Съ рогами! Ха, ха, ха! Подурачился
и я на своемъ вѣку! Меня теперь не проведешь, всѣ штуки
самъ дѣлалъ (напѣваетъ)! У васъ лихи тамъ собаки!

Молчалив. Довѣренное лицо улыбался, смотритъ на губерна-
тора и усиливается еще что-нибудь выдумать для потѣхи
его превосходительства. Вбѣгаетъ собачка и ласкается къ
губернатору.

Губернаторъ (лаская ее). Ахъ ты шельма! Одалиска!
Одалиска!

Довѣренное лицо (вынимаетъ изъ кармана конфетку и даетъ
собачкѣ). Вотъ тебѣ, Одалиска, гостинецъ!

Губернаторъ. Это ты любишь, страстно любишь!
Плутовка этакая! лакомка! А умная какая, ей Богу умнѣе
Буркалова! Ну, Одалиска, служи, служи! Танцень, танцень!...
Вотъ такъ.... Филатовъ съѣзди въ оранжерею, купи букетъ
и отвези отъ меня Маріи Петровнѣ. На возвратномъ пути
купи икры и балыку.

Довѣренное лицо. Слушаю, ваше превосходитель-
ство. Еще ничего не изволите приказать?

Губернаторъ. Пока ничего. Зайди къ женѣ, можетъ
быть ей что-нибудь нужно. Да вотъ что, мой милый, при-
кажи мнѣ дать трубку. Чортъ, скука такая, что ужасъ!

Филатовъ уходитъ. Лакей подаетъ трубку. Губернаторъ гла-
дитъ собачку, куритъ трубку и зѣваетъ.

Губернаторъ. Чортъ знаетъ, что за тоска!.... Марья
Петровна не сдается, хоть-бы и интрижку завести. Эхъ,
вспомнишь былое, такъ сердце кровью обольется. Когда я
былъ командиромъ полка, жизнь была совсѣмъ другая. Напри-
мѣръ, Ерохинъ, что за почтительный былъ, прекрасный офи-
церъ! Женился нарочно для меня, зная что я неравнодушенъ